

С. А. ЛЕВИЦКИЙ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ
РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

96-3
7639-2

С. А. ЛЕВИЦКИЙ

**ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ
РУССКОЙ
ФИЛОСОФИИ**

Сочинения

МОСКВА
КАНОН
1996

Очерк третий

НАРОДНИЧЕСТВО И РАННИЙ МАРКСИЗМ

В течение 70-х и 80-х годов XIX века господствующим общественным мировоззрением в России было народничество. Но в середине 90-х годов у народников появился новый и опасный враг — русский марксизм. Чернышевский и Ткачев были многим обязаны учению Маркса, но они не были настоящими марксистами. Первыми русскими марксистами нужно считать Г.Плеханова, В.Аксельрода и П.Струве (вскоре сменившего идеологические вехи).

Молодые русские марксисты начали свою деятельность в полемике против народников (поскольку именно народники были тогда властителями дум). В этой полемике решающую роль сыграли три произведения: «Критические заметки по вопросу об экономическом развитии России» П.Струве, «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Г.Плеханова и статья «Что такое «друзья народа» молодого Ленина».

П.Струве в своих «Критических заметках» с цифрами в руках показал, что экономическое развитие России идет по линии роста индустрии и капитализма, и предсказывал в связи с этим резкое увеличение рабочего класса. Этим подрывался тезис народников о России как стране по преимуществу сельскохозяйственной. Г.Плеханов в своей обширной книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» впервые в русской научной литературе дал развернутую картину марксистского целостного мирозерцания, как учения, основывающегося на материализме, но обогащенного диалектикой Гегеля (тогда еще редко применялся термин «диалектический материализм»).

«Материализм воскрес, — писал Плеханов, — обогащенный всеми приобретениями идеализма; важнейшее из них есть диалектический метод».

Материализм, своей философской грубостью и наивностью отталкивавший ранее многих интеллигентов, превратился в руках Плеханова в заманчивое мировоззрение, поскольку внесение в него диалектического метода создавало впечатление, что такой материализм — всеобъясняющая теория. Упрощенчество старого материализма типа Фогта и Молешотта казалось преодоленным. Плеханов сам превосходно владел диалектикой, и против его аргументов трудно было бороться. Главное же — в марксизме казалась преодоленной та пропасть, тот дуализм между общефилософским мировоззрением и областью социального развития, который составлял слабую сторону народников. Напомним, что в области чистой философии ведущие народники были позитивистами (т.е. миротворческими непредрежденцами), в то время как в области социальной они проповедовали «этический социализм». При этом их социально-этические идеалы, не подкрепленные идеалистической философией, оставались как бы висящими в воздухе.

В противоположность этому, нарисованная Плехановым стройная картина материалистической диалектики, обещающая в своем социальном применении неизбежную победу социализма, пленяла умы.

Хотя главные пункты спора между марксистами и народниками хорошо известны, мы сформулируем их для вящей ясности.

1. Марксизм делал ставку на рабочий класс, а не на крестьянство. Задача интеллигенции заключалась, с точки зрения марксиста, в развитии революционного сознания у рабочих и лишь во вторую очередь — в пробуждении «спящего» крестьянства.

2. В противовес народникам, перенявшим от славянофилов культ крестьянской общины, марксисты видели в общинах пережиток феодальной эпохи (марксисты не верили в особый, крестьянский социальный

путь России; они считали, что законы классовой борьбы имеют универсальное значение).

3. В противовес народникам, особенно же в контраст выросшей из них партии «эсеров» (с.р., социаллисты-революционеры), крайние из которых рекомендовали индивидуальный террор в борьбе с царизмом, марксисты осуждали индивидуальный террор, как не приводящий к желанной цели — к пролетарской революции. Они были за «диктатуру пролетариата» (т.е. за массовый террор) в будущем.

4. Марксисты ратовали за индустриализацию России — поскольку лишь таким путем могли расти кадры рабочего класса, которым суждено в будущем произвести пролетарскую революцию. В этом пункте у марксистов было некое противоречие: с одной стороны, они верили в пролетарскую антикапиталистическую революцию в более или менее отдаленном будущем, с другой стороны, они стояли за рост капитализма в России в настоящем, ибо лишь таким путем сможет вырасти и окрепнуть рабочий класс.

Иначе говоря, в духе последовательного марксизма, они должны были бы бороться за капитализм и за эксплуатацию рабочих в России — все это, конечно, с тем, чтобы затем (неизвестно когда) стать на сторону рабочих и повернуть фронт против капитализма*.

С подобной «диалектической» откровенностью не высказывался прямо ни один русский марксист, но позиция Плеханова до революции 1905 года была приблизительно такой.

В противовес этому Ленин, понимавший, что подобная «тонкость» не переварится широкими массами, с самого начала ратовал за пролетарскую революцию в России в надежде, что такая революция будет поддержана международным (и прежде всего немецким) пролетариатом. Как бы то ни было, в полемике между марксистами и народниками брали верх марксисты — и потому, что, по мере бурного роста индустрии в Рос-

* Народники подчеркивали в своей полемике эту двусмысленность позиции русских марксистов.

сии, народников опровергала сама жизнь, и потому, что горизонты русских марксистов были шире и более манящи: пресловутая крестьянская община, на которую возлагали надежды народники, отдавала ретроградством; она не давала перспектив нового будущего.

Далее (и этот пункт важно подчеркнуть), марксизм в 90-е годы воспринимался как «нео-западничество», как последнее слово западной науки и философии. В противоположность этому народничество настолько впитало в себя славянофильские элементы (та же вера в общину) и настолько оторвалось от Запада, что оно воспринималось многими как разновидность ретроградного славянофильства. Здесь в новой форме мы наблюдаем старый спор между славянофилами и западниками. В силу этой своей славянофильской заправки (исключая самое ценное у славянофилов — религиозную философию), народничество провинциализировалось.

Понятно поэтому, что, по словам С.Франка, марксизм был воспринят как «свежий ветер с Запада», как универсальная доктрина, обещающая отсталой России новое приобщение к мировой цивилизации. Но этот знаменитый спор не ограничивался только практическими вопросами об индустрии и земледелии, о рабочем пролетариате и крестьянских массах. Спор этот распространился и на плоскость общефилософского мировоззрения.

И здесь преимущество русских марксистов заключалось в том, что марксизм являлся целостным мировоззрением, основанным на синтезе наиболее сильных сторон материализма и идеализма. Народники же могли противопоставить этому целостному мировоззрению лишь «бескрылый» позитивизм и агностицизм, которые Ленин охарактеризовал позже как «философское неопределенчество».

Подробная схема диамата и истмата будет дана в главе «Советский марксизм» (ведь сами термины «диамат» и «истмат» появились уже в советское время). Пока же набросаем общую схему философии

марксизма в преломлении Плеханова, поскольку именно он слыл еще до революции русским «классиком марксизма».

Основой бытия является мертвая материя, которая развивается диалектически, причем в процессе этого развития появляются новые качества. Так, механическое движение материи переходит в качественные изменения, изучаемые химией. В процессе диалектической эволюции материя порождает из себя сначала органическую жизнь, а затем человека с его мозгом («высший цвет эволюции», по выражению Энгельса).

Далее эволюция человека определяется характером употребляемых им орудий. Человек создает вначале примитивные орудия, но в процессе эволюции совершенствует их (от примитивного топора до плугов и мечей и далее — к машинам). Облик и характер социальных классов определяется собственностью на орудия производства. Как известно, марксизм признает следующие социально-экономические формации: первобытный коммунизм, античное рабовладельческое хозяйство (господа и рабы), феодальное (господа и крепостные), буржуазно-капиталистическое (предприниматели и владельцы с одной стороны, и наемные рабочие — с другой, причем капиталисты покупают рабочую силу). Наконец, после социальной революции воцаряется социализм.

В вопросе об обратном влиянии «надстройки» (идеологии) на «базис» (экономический) у Плеханова были внутренние противоречия (впрочем, никакая редакция марксизма не свободна от этих противоречий).

С одной стороны, Плеханов настаивает на определяющей роли экономических факторов, а с другой — он «отрицает» обратное влияние надстройки на базис. Напомним, что впоследствии Ленин утверждал решающее влияние политики на экономику в переходный, революционный период. Это утверждение Ленина было для Плеханова неприемлемым. Но в то же время Плеханов, в отличие от более неистовых марксистов, понимает, что в области идеологии многие яв-

ления могут быть объяснены экономикой лишь косвенным образом. Иначе говоря, Плеханов признает известную автономию «надстройки» по отношению к породившему ее «базису».

Писания Плеханова одушевлены пафосом свободы, и в этом одна из причин их притягательной силы. Всякая политика и даже революция должны быть, согласно ему, лишь средством к достижению свободы рабочего класса. Освобождение рабочих должно стать, по его вере, прелюдией к освобождению всего человечества. Но в вопросе о сущности свободы у Плеханова есть недоговоренность. Так, с одной стороны, он пишет: «Производственное воздействие человека на природу порождает новый род зависимости человека — экономическую необходимость». С другой стороны, он сразу же добавляет: «Но когда человек сознает это, тогда создается возможность нового и окончательного торжества сознания над необходимостью, разума над самим законом... Когда человек подчинит своей воле производственные отношения, тогда кончается царство необходимости, воцаряется свобода».

Эта красноречивая тирада была бы оправданна, если признать исконную свободу человека, его потенциальное стояние над законом необходимости. Иначе превращение необходимости в свободу останется непонятным чудом. Впрочем, в этом — опять-таки исконное противоречие марксизма, которое Плеханов только отразил и блестяще выразил. Во всяком случае, Плеханов явился первым мыслителем (не только русским), которому удалось дать *синтетическое* изложение философии марксизма. Маркс, при всей его одно-сторонней гениальности (в смысле гениальности зла), не особенно заботился о создании философской *системы* марксизма, а более систематичный Энгельс не до конца привел в порядок мысли своего учителя и друга.

Важно подчеркнуть, что Плеханов был выразителем классического марксизма, а не того активистического неомарксизма, который был создан Лениным.

Плеханов, подобно Марксу, имел в виду более социальные *классы*, чем коммунистическую партию. Плехановский марксизм поэтому чужд той сугубой партийности, которая отличала Ленина. Плеханов стремился к истине, которую он находил в марксизме, в то время как Ленин догматически уверовал в марксизм, и вопрос об истине, как таковой, никогда не возникал в его сознании. Ленинский принцип «партийности философии» никогда не был принят Плехановым. Тактика захвата власти настолько захватила Ленина, что он фактически перестал думать о том, ради чего нужен этот захват власти.

Несмотря на то, что Плеханов как правоверный марксист отрицал абсолютность морали, он на деле считался с общечеловеческими моральными императивами. И марксизм казался ему единственным учением, гарантирующим ликвидацию эксплуатации человека человеком. Для Ленина же общечеловеческая мораль вообще не существовала. Морально, говорил он, все, что способствует осуществлению марксистского социализма; аморально все, что этому препятствует. Как правоверный марксист, Плеханов ожидал в России сначала буржуазную революцию, долженствующую покончить с самодержавной монархией; пролетарская же революция была для него делом будущего. В контраст этому, Ленин верил в то, что Россия может миновать буржуазно-капиталистическую эру, или предельно сократить ее, и стремился к осуществлению именно пролетарской революции. Фактически прав оказался Ленин, но именно потому, что учение его было не правоверным марксизмом, а своеобразным неомарксизмом.

В свете всего этого понятно, что Плеханов занял в период первой мировой войны оборонческую позицию — в противовес пораженчеству Ленина.

Но, какими глубокими ни были бы расхождения Ленина с Плехановым, в историческом плане нужно подчеркнуть, что Ленин был сначала учеником Плеханова, восставшим впоследствии против своего учителя.

ля. На трудах Плеханова, как это признавал сам Ленин, воспиталось целое поколение русских марксистов, в том числе молодой Ленин. Поэтому значение Плеханова в истории русского марксизма основоположно.

Как это хорошо известно, Ленин не занимался всерьез философией до 1908 года, и сам Плеханов посмеивался ранее над «беззаботностью Ленина по части философии». Лишь после опубликования книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» началась та идеологическая и тактическая перестройка русского марксизма, которая привела к его революционной ленинской интерпретации. Но эта революционная перестройка стала возможной лишь после и на основе того, что было сделано Плехановым для популяризации марксизма в России и для внедрения марксистских идей в головы будущей русской коммунистической элиты.

Основные философские проблемы не были главным предметом спора между марксистами и народниками. Зато в области философии истории происходил ожесточенный обмен мнениями между обоими лагерями русского социализма.

В этой области ведущие идеологи народничества В. Лавров и Н. Михайловский выступили со своей теорией о «героях и толпе» (сама по себе эта идея не нова: на Западе она была выражена еще английским мыслителем Томасом Карлейлем, а в конце XIX века — французским философом Тардом).

Согласно этой идее (в ее народнической редакции), народ, «толпа» инертна и не в состоянии выразить свои интересы, кроме интересов хлеба насущного. Историю двигает вперед не народ, а отдельные героические личности, одаренные способностью создавать идеи, служащие прогрессу, и, заражая этими идеями массы, вести их за собой. Но при этом герои должны действовать не ради самопрославления, а ради народа и, в конце концов, ради всего человечества.

В противоположность этому, согласно классическому марксизму, субъектом истории являются именно массы, «коллективы», образующиеся по классовому принципу. Так называемые герои и гении суть лишь представители своего класса, служащие классовым интересам. Индивидуализм, исповедуемый народниками, был чужд марксизму. Позднейший культ Ленина и Сталина противоречит классическому марксизму как теории сугубо коллективистической, и классические марксисты старого закала не могли бы принять этого культа.

В области моральных проблем между народниками и марксистами зияла целая пропасть. Этика народников, несмотря на почитание ими народа, была, говоря современным языком, персоналистической (особенно у Михайловского). Высшей ценностью была для них человеческая личность, ее свобода и автономия. Михайловский в своих статьях протестовал против тенденции организованного коллектива превратить личность в свое орудие, в «штифтик». «Пусть общество прогрессирует, — писал он, — но поймите, что личность при этом регрессирует» (см. Том I этих «Очерков»).

Марксисты же вообще отрицали понятие морали, пытались заменить ее понятием «классовых интересов». С их точки зрения, морально все то, что соответствует интересам пролетариата; аморально все, что этим интересам противоречит. В этом «снятии» моральной проблемы проявлялась исконная аморальность марксизма. Народники направляли свои критические стрелы как раз против уязвимого аспекта марксизма, но недостаточно решительно. Правда, Михайловский назвал классовую борьбу «школой озверения человечества», но это осталось более или менее эпизодическим выпадом.

Интересно, что народники мало использовали внутреннее противоречие марксизма, скрытое в понятии «эксплуатации». Слово это звучит моральным осуждением (капиталистов), тогда как последовательные марксисты отрицали общечеловеческую мораль. С

точки зрения последовательного марксизма, можно было бы говорить лишь о «непропорциональном присвоении прибавочной ценности капиталистами». Но возражение это было выдвинуто критиками марксизма лишь впоследствии, когда воочию воплотилась истинная аморальность марксизма.

В 90-е годы прошлого столетия вообще мало кто чувствовал опасность тоталитаризма, заключенную в марксизме. Борьба за ущемленные права рабочих не могла не привлекать к себе симпатий. А осуждение марксистами индивидуального террора еще более укрепляло иллюзию их моральной правоты.

В заключение можно сказать следующее.

Полемика между марксистами и народниками осталась бы только интересным эпизодом в истории русской общественной мысли, если бы не было Октябрьского переворота и захвата власти крайними марксистами — большевиками. В свете же последующего воцарения большевизма спор этот приобретает судьбоносное значение. Ибо, с точки зрения исторической перспективы, в этом споре речь шла об идеологическом возглавлении грядущей социальной революции. Идеология народников, как менее динамическая и менее соответствовавшая социально-политическим реальностям, осуждена была на поражение. Но следует помнить, что марксисты победили под знаменами европеизма и социально-политического прогресса, а не под знаменами циничного тоталитарного большевизма, возглавленного вскоре Лениным. Плеханов, а не (молодой тогда) Ленин был главным героем этого спора. И трансформация марксизма Лениным явилась дальнейшим трагическим звеном в исторической диалектике русского и мирового марксизма.